

В. Ф. Ходасевич — В. И. Иванову

*28 ноября 1924.
Sorrento.*

Дорогой Вячеслав Иванович,

Не писал я Вам потому, что все эти полтора месяца только и мог делать, что отлеживаться, отлеживаться, главное же — от-малчиваться. Последнюю потребность, Вы, конечно, особенно поймете — и не осудите меня. Впрочем, вот мой итинерарий за последние 21/2 года; он — мое лучшее оправдание. С июля 1922 г. по ноябрь 1923 — Германия (Берлин, Saarow, разные побережья, Фрейбург); ноябрь 1923 — Прага; декабрь 1923 — март 1924 — Мариенбад; март — апрель — Италия; апрель — июль — Париж; август-сентябрь — Ирландия; потом хлопотливый переезд через Париж и Рим — сюда. В прежних условиях это звучало бы как «путешествие». Ныне, к несчастью, это скитание, хуже того — мыканье. Прибавьте к этому не мучительную, но нестерпимо надоедливую болезнь (желудочную), при которой все время приходится лечиться. Наконец, по приказу врача, последние три недели изнываю от не-курения: с 30 штук в день сразу спустился до 2–3.

Но и это бы ничего. Хуже всего — признаюсь — внутренняя подавленность. Угнетает меня равно и то, что творится в России, и то, на что насмотрелся я здесь, в эмиграции. Там — сознательное и планомерное разрушение культуры, здесь — маразм. И там, и здесь — разительное понижение интеллектуального уровня: иначе назвать не могу. И там и здесь — грубейшее насилие над совестью и умом, затыкание ртов и все прочее. Россия раскололась пополам, и обе половины гниют, каждая по своему. Мучительно то, что никаким словом здесь не поможешь: происходит «исторический процесс», а это вроде дурной погоды: ее надо переживать, пересиживать. А пересидим ли? Боюсь, что процесс не только русский, а всемирный, затяжной, лет на триста — на триста лет американизации, когда людям нашего склада придется прятаться в катакомбы (где, кстати сказать, соединятся все недовольные вместе: люди всех церквей и религий, поэты,

убийцы, философы, проститутки и проч.). Конечно, и тут приходят на ум некие высокие утешения, — но человеку закономерно необходимы и не высокие. Майковский герой прав:

И пусть по смерти жить мы будем
(Тебе готов я уступить) —
А все себя мы не принудим
Без сожаленья кончить жить.

Простите за эти унылые (и скомканные) соображения. Надеюсь, однако, что Вы поймете, какую радость для меня оказались на фоне их Ваши Римские сонеты. Вы мне напомнили, что мыслима еще настоящая поэзия, тонкая мысль, высокое и скромное, не крикливое мастерство. Вот и захотелось поблагодарить Вас (не по-писательски, а по-читательски) за добрую весть о том, что многое еще живо. Такою вестью были мне Ваши стихи.

Пожалуйста, черкните, на долго ли Вы в Италии? Собираетесь ли в Россию? И — о Гершензоне, который иногда пишет мне очень хорошие письма, в которых чувствуется боязнь перлюстрации. Чего-то он не договаривает. Не очень ли ему тяжело там? Всего Вам хорошего. Крепко жму руку. Сердечно Ваш Владислав Ходасевич.

Новый адрес Алексея Макс<имовича> с мая: “*Il Sorito*”. *Capo di Sorrento (Napoli)*

«Римские Сонеты» вряд ли попадут в 5^ю кн. «Беседы»: она почти готова. Пойдут в 6^й. Впрочем, на эти темы напишет вам Ал<ексей> Макс<имович>.

